

УДК 811.161.1'373'0(043.3)

Пейоративные процессы в лексике русского языка XVIII века

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

В статье ретроспективно рассматриваются современные пейоративные лексемы русского языка, которые впервые в оценочном значении были отмечены в XVIII веке.

Цель работы — выявить основные семантические процессы, оказавшие влияние на развитие пейоративных значений слов русского литературного языка в XVIII веке.

Материал и методы. *Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» ([1998] 2008) и Словаря под ред. А.П. Евгеньевой (3-е изд., 1985–1988). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Основные методы — описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций и корпусный анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Рассматриваются основные семантические переходы, в результате которых у слов фиксируются новые негативно-оценочные значения, как общеоценочного, так и частнооценочного характера. Выделяются определенные тематические группы, члены которых значительно подвержены процессам пейорации (зоонимы и т.д.). Определяются группы разговорных слов, за счет которых стремительно растет количество оценочных лексем во второй половине XVIII века.*

Заключение. *Многие оценочные предикаты оформились в результате семантического переноса от слов, достаточное время функционировавших в русском языке. Мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра стало формирование стилистической системы русского литературного языка, в результате которого отмечался переход разговорных слов (просторечных и простонародных) в литературное употребление.*

Ключевые слова: *негативно-оценочная лексема, семантические изменения, ухудшение значения слова (пейорация), русский национальный литературный язык.*

(Ученые записки. — 2016. — Том 21. — С. 179–183)

Pejorative Sense Development in the Lexis of the Russian Language in the XVIII Century

Nikitsenka T.V.

Education Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The study considers pejorative lexemes of Modern Russian in a retrospective way. The words in question developed their negative meaning in the XVIII century.

The aim of the research is to find out main semantic processes which influenced the development pejorative word meanings of the Russian standard language in the XVIII century.

Material and methods. *The data was collected from the academic dictionaries of Modern Russian. The pejorative lexemes are represented by all notional parts of speech and by different topical domains. The main methods employed in the research are descriptive, contrastive, within which historical-semantic analysis is carried out, definitional, corpus analysis.*

Findings and their discussion. *The common semantic shifts are considered due to which the eighteenth-century words developed pejorative meaning of both general evaluative and frequency evaluative character. Some topical domains are studied that acquire negative sense development more easily. The layers of spoken words are distinguished which entered the standard Russian language and thus deteriorated their semantics in the second half of the XVIII century.*

Conclusion. *The majority of pejorative predicates emerged as a result of metaphorical extension of the words which had existed in Russian for quite a lot of time. Besides, the driving force for appearing new negative meanings happened to be the formation of the functional style system of the Russian language as a result of which transition of colloquial words into standard use was identified.*

Key words: *negatively-evaluated lexeme, semantic changes, pejorative sense development, Russian standard language.*

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 21. — P. 179–183)

Для истории русского языка XVIII век стал переломным, поскольку процессы, происходившие в это время, заложили основу современного русского литературного языка на национальном

фундаменте. Вслед за существующей в исторической лексикологии традицией границы столетий определяются не календарно, а на основании внешних (социально-исторических) и внутренних (собственно язы-

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatnikita@gmail.com — Т.В. Никитенко

ковых) факторов, которые в хронологическом плане не совпадают с общепринятыми временными отрезками. Хронологически «XVIII век» начинается с конца XVII века и завершается в первые десятилетия XIX века (например, для Ю.С. Сорокина, Г.П. Блока «верхняя граница» — это 1803–1805 гг.) [1, с. 18; 2, с. 52].

В развитии лексико-фразеологической системы XVIII века, согласно В.В. Виноградову, следует говорить о трех временных этапах [3, с. 197]. Первый этап охватывает конец XVII века — 30–40-е гг. XVIII века. Это так называемый Петровский период, во время которого словарный состав пополнился большим количеством заимствований. Язык Петровской эпохи также характеризуется усилением значения приказного языка, в котором часто механически объединялись элементы разговорной речи, церковнославянизмы и заимствования [3, с. 42]. С 40–50-х гг. до 70–80-х гг. XVIII века длится второй этап. В течение этого времени В.М. Ломоносов обосновал теорию трех стилей, которая, по замечанию А.А. Алексеева, была попыткой создания нового многофункционального литературного языка на основе синтеза церковнославянского и русского языков [4, с. 107]. Хронологические рамки третьего этапа охватывают 70–80-е гг. XVIII века и начало XIX века. В этот период происходит смещение границ между стилями, в результате чего начинают оформляться функциональные стили речи. На данном этапе наблюдаются две последовательные противостоящие друг другу тенденции в развитии русского литературного языка: славянизация, или архаизация, и русификация, или новаторство [5, с. 149]. В творчестве писателей начала XIX века (20–30-е гг.) удается реализовать эти две противоположные тенденции: синтез церковнославянизмов, заимствований и элементов разговорной речи [5, с. 168].

Таким образом, лексический состав в XVIII веке формировали разные источники: церковнославянские элементы, разговорная речь, заимствования, которые проникали как книжным путем, так и из речи иностранцев. Художественная литература, новые виды и типы книжности, деловые документы, переводная литература способствовали созданию новых слов, а также уточнению и дифференциации значений многих существующих лексем. Отличительными особенностями лексики XVIII столетия являлись: 1) вариативность; 2) многочисленные образования новых слов и лексико-семантических вариантов [1, с. 36].

Цель работы — выявить основные семантические процессы, оказавшие вли-

яние на развитие пейоративных значений слов русского литературного языка в XVIII веке.

Материал и методы. Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» ([1998] 2008) (БТС). Некоторые единицы были извлечены из Словаря под ред. А.П. Евгеньевой (3-е изд., 1985–1988) (МАС). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Настоящее исследование относится к предметной области исторической лексикологии и носит диахронический ретроспективный характер. Это означает, что все анализируемые единицы являются оценочными с точки зрения современного носителя русского литературного языка, однако развитие пейоративных значений в семантике изучаемых слов происходило в XVIII веке.

Основные методы — описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций, корпусный анализ.

Следует уточнить, как представлены примеры в тексте статьи. После слова, выделенного курсивом, указывается его исходное значение, которое стало производящим по отношению к оценочному. Затем следует дата первой фиксации исходного значения по лексикографическим данным. Негативно-оценочное значение представлено после знака семантического перехода (→) с датой его первой фиксации в письменных источниках (словарях, корпусах текстов и т.д.), которая установлена автором самостоятельно. Лексикографические источники не могут отразить такую информацию в полной мере, поскольку до сих пор не создан современный словарь русского языка на исторических принципах.

Результаты и их обсуждение. Согласно полученным данным, уже в XVII веке наблюдается значительное увеличение количества негативно-оценочных единиц, которые появились в результате семантических изменений, пр.:

болван ‘столб’ (XII в.); ‘изваяние, статуя’ (989) → ‘тупица, невежа (о человеке)’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 277);

рыло ‘роющее орудие’ (XI в.), ‘передняя часть морды (животного)’ (XV в.) → ‘о лице (носе, губах) человека’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22, с. 275).

В XVIII в. наблюдается стремительный рост негативно-оценочного вокабуляра, многие значения появились в ре-

зультате семантического переноса (чаще метафорического), пр.:

водолей 'тот, кто занимается водополивочными или водоотливочными работами' (1621) → 'о многословном, но бессодержательном человеке, пустослове' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 255);

вычуры 'резные фигурные украшения' (XVIII в.) → 'нарочито замысловатые приемы, средства' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 67).

В описываемый период ухудшение значения зафиксировано в ряде слов, известных с XI–XII вв. В результате оформившиеся лексико-семантические варианты часто начинали функционировать как общеоценочные экспрессивные предикаты, пр.:

урод 'глупец, безумец', 'поврежденный умом' (XI в.) (СДЯ, III, стлб. 1255–1256) → 'о ком-л., вызвавшем неудовольствие' (Д.И. Фонвизин. Торг семи Муз, 1762);

тварь 'изделие, произведение', 'создание, творение' (XI в.) (СДЯ, III, стлб. 930–932) → 'о подлом, мерзком человеке' (Д.И. Фонвизин. Мир жен. La paix des dames, 1788).

Также отмечены частнооценочные предикаты с неодобрительным значением, пр.: *служить* 'служить, поклоняться' (XI в.) (СДЯ, III, стлб. 1266) → 'раболепствуя, угодить чем-л. кому-л.' (Н.И. Новиков. О поэзии классицизма, 1769–1770).

Наблюдаются многочисленные зоонимы, у которых фиксируются оценочные значения, пр.:

ишак 'ишак' (1670) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 358) → 'об упрямом, глупом человеке' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 9, с. 176);

обезьяна 'обезьяна' (1472) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 30) → 'об очень некрасивом человеке' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 15, 226);

щенок 'детеныш собачий' (САР¹, VI, стлб. 953) → 'грубо о ребенке' (Д.И. Фонвизин. Бригадир, 1783–1786).

У номинаций, обозначающих пресмыкающихся, также фиксируются новые значения, преимущественно экспрессивные общеоценочные, пр.:

аспид 'ядовитая змея' (XII–XIII вв.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 55) → 'о злобном, коварном человеке' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 104);

гадина 'пресмыкающееся' (1534) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 6) → '(в бранном употреблении) гад' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 80);

змея 'змея' (XIV в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 37) → 'о коварном, хитром, злом человеке' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 202).

Также пополняются негативно-оценочными значениями семантические структуры гиперонимов, обозначающих животных, пр.:

гад 'нечистое, мерзкое животное' (XII–XIII вв.) → 'отвратительный, мерзкий человек' (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 5);

скотина 'домашнее четвероногое хозяйственное животное' (1098) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 8) → 'о грубом, низком, подлом человеке' (Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях, 1772).

Негативно-оценочное значение могло оформиться у слова, содержащего исходные оценочные смыслы, как, например, у глагола *кропать* (*накропать*). Первоначально слово отмечено в XVII веке (1643) в оценочном значении 'шить плохо, неумело; перешивать' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 72). В XVIII веке в результате метафорического переноса у лексемы фиксируется новый лексико-семантический вариант 'сочинять плохо, неумело' (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 34), ср.: *марают любовные сказочки, кропают идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит* <...> (Н.И. Новиков. Пословицы российские, 1782).

Напротив, лексема *писака*, функционировавшая в XVIII веке в просторечии, первоначально имела положительно-оценочные значения: 'знающий, искусный скоро и хорошо писать' и 'искусный и способный сочинять что, а особливо приказные дела' (САР², IV, стлб. 1077). Но уже в конце XVIII века у И.А. Крылова встречается 'писатель, обуяемый жадой славы, плохой, но плодовитый', ср.: «<...> не называй имени продажного *писаки*, а оставь для него на несколько букв порожнего места; <...>» (И.А. Крылов. Ночи, 1792).

Во второй половине XVIII века за счет разговорных слов пополняется негативно-оценочный вокабуляр. Среди слов и значений в XVIII веке, генетически связанных с разговорной речью, выделяют простые, простонародные и просторечные слова.

Негативно-оценочные единицы, которые классифицировались в XVIII веке как **простые**, были лишены резкой стилистической сниженности и противопоставлялись своим книжным синонимам, пр.:

баба 'бабушка' (987) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 61) → 'о слабом, нерешительном мужчине' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 123);

девка 'девушка, девочка' (XII в.); 'дочь' (1238); 'прислуга, дворовая женщина' (1686) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 198) → 'о развратной женщине, проститутке' (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 66);

нора ‘нора’ (1385) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 422) → ‘о темном, тесном, неблагоустроенном помещении, жилище’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 15, с. 178).

Простонародные слова употреблялись в речи низших социальных слоев (крестьян, посадских, мещан и т.п.). Они не являлись диалектно ограниченными, но были близки к областным словам по признаку их чуждости речи образованных людей, например, *нахлестаться* ‘напариться в бане’ → ‘напиться пьяным’ (САР² III, стлб. 1259) и др.

В XVIII веке просторечные слова принадлежали общей разговорной речи, простонародные слова были характерны для речи простого народа [6, с. 17–18]. В оппозиции «простое–простонародное–просторечное» **просторечные** слова были наделены экспрессией сниженности, грубости или фамильярности; особенно часто употреблялись в простых сниженных литературных жанрах (комедии, комической опере и т.п.). В XVIII веке в просторечии начали функционировать многие современные негативно-оценочные единицы, пр.:

лизать ‘лизать’ (XV в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 233) → ‘целовать’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 174);

морда ‘передняя часть головы животного’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 261) → ‘лицо’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 13, с. 30–31).

По словам Х. Шрёдера, переход слова из одного стилистического регистра в другой, обычно из литературного употребления в разговорное, является одним из самых «действенных» способов ухудшения значения слова [7, с. 60]. Подобные переходы фиксировались в описываемое время, поскольку стилистическая система XVIII века, как отмечалось выше, отличалась неустойчивостью. Примером перехода из нейтрального употребления в просторечное и, как результат, – ухудшение значения слова, может стать глагол *лаяться* (1219). Известно, что в производном значении ‘ругать, бранить, поносить кого-л.’ слово употреблялось уже в XIV веке (1346) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 181). Авторы СлРЯ XVIII в. отмечают, что в XVIII столетии наблюдается переход данного значения из нейтрального употребления в просторечное (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 128), в результате которого, очевидно, этот лексико-семантический вариант приобрел стилистическую сниженность и грубую окраску.

Пейоративное значение, впервые отмеченное в XVIII веке, может долгое время не фиксироваться лексикографическими источниками. Примером может стать прилагательное *паршивый*. Современная семантическая

структура данной лексемы представлена двумя значениями: ‘больной паршой; шелудивый’ и **разг.-сниж.** ‘плохой, дрянной, скверный’; с оттенком значения **груб.** ‘отвратительный, ничтожный, скверный (о человеке)’ (БТС, с. 784).

Прилагательное *паршивый*, согласно данным М. Фасмера, могло произойти в русском из **пършивъ* в результате аканья (Фасмер, III, с. 210). Слово отмечено в СлРЯ XI–XVII вв. и датируется, согласно письменным источникам, XVII–XVIII вв. в значении ‘покрытый паршой; шелудивый’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 158)¹. В САР¹ и САР² у лексемы *паршивый* отмечено единственное значение ‘шелудивый, исполненный болячек’ (САР¹, IV, стлб. 716; САР², IV, стлб. 801). Однако современное оценочное значение ‘плохой, дрянной, скверный; отвратительный, ничтожный (о человеке)’, которое впервые в лексикографических источниках отмечено в Словаре под ред. Д.Н. Ушакова (ТСРЯ, III, стлб. 57), очевидно, было известно намного раньше (конец XVIII – начало XIX в.). Ср.: *Не могу и поныне забыть, с каким огорчением и досадою скачешь без памяти иногда версты две к какому-нибудь паршивому парчишке, и единственно только за тем, чтоб спросить, в добром ли он здоровье?* (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письма 91–96, 1800). Очевидно, что данный лексико-семантический вариант являлся стилистически маркированным – принадлежал разговорной речи, поскольку в творческом наследии А.Т. Болотова хорошо отражена живая речь самого автора.

Лексико-семантический вариант долго может не осознаваться (по крайней мере, не трактоваться лексикографическими источниками) как негативно-оценочный. Так, глагол *вербовать* заимствуется в начале XVIII века (1704) (< пол. *werbować* < нем. *werben*) (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 37). В том же XVIII веке фиксируется основное ‘нанимать в военную службу’ и переносное значение ‘привлекать, вовлекать’ с неодобрительным смыслом, ср.: *Со стула и на стул красотки вальсируют И свѣжих напрокат прыгунчиков вербуют; Слышу, что Шевалье Месанс вербует здѣсь Масонов* (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 37). В Словаре под ред. Д.Н. Ушакова фиксируется переносное значение ‘залучать, привлекать к какому-н. делу или предприятию’ без дополнительных помет (ТСРЯ, I, стлб. 250). В МАС также фиксируется одно значение

¹ Следует отметить, что в Словаре XI–XVII вв. формы с *парш-*, *парх-* больше не отмечены. *Паршивый* также фиксируется раньше лексикографически – в 1771 г.; глагол *паршиветь* – в 1782 г., существительное *парша* – 1793 г.

‘набирать, нанимать на работу, привлекать в какую-л. организацию’ и также без помет (МАС, I, с.150). Помета **неодобр.** появляется только в Словаре под ред. С.А. Кузнецова со значением ‘привлекать на свою сторону’ (БТС, с. 119). Однако, как представляется, данное переносное оценочное значение, лишённое резкой экспрессии, появляется гораздо раньше — в XVIII веке (см. примеры выше).

Закключение. В XVIII веке отмечается стремительный рост негативно-оценочной лексики русского языка вследствие семантических изменений.

Большинство из зафиксированных оценочных предикатов оформились в результате семантического (чаще метафорического) переноса от слов, значительное время функционировавших в русском языке. Такие пейоративные единицы отличались образной ассоциацией и прозрачной мотивацией. Мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра в анализируемый период стало формирование стилистической системы русского литературного языка, в результате которого отмечался переход разговорных слов в литературное употребление.

Литература

1. Сорокин, Ю.С. О «Словаре русского языка XVIII века» / Ю.С. Сорокин // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз. — Л.—М.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. — С. 5–42.
2. Блок, Г.П. К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века»: художественная литература первой половины века / Г.П. Блок // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз. — Л.—М.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. — С. 43–86.
3. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды: в 5 т. —

4. М., 1978. — Т. 4: История русского литературного языка. — С. 10–64.
4. Алексеев, А.А. Эволюция языковой теории и языковая практика Третьяковского / А.А. Алексеев // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики / АН СССР; Ин-т рус. яз. — Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1982. — С. 86–128.
5. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б.А. Успенский. — М.: Гнозис, 1994. — 240 с.
6. Князькова, Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г.П. Князькова. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. — 253 с.
7. Schreuder, H. Pejorative Sense Development in English / H. Schreuder. — College Park — Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. — 196 p.

Принятые сокращения

1. БТС — Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. — СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ: РИПОЛ классик, 2008. — 1536 с.
2. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: А.П. Евгеньев (гл. ред.) [и др.]. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1985–1988. — 4 т.
3. САР¹ — Словарь Академии Российской: в 6 ч. / сост. Д.И. Фонвизин [и др.]. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1789–1794. — 6 ч.
4. САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку: в 6 ч. — СПб., 1806–1822. — 6 ч.
5. СДЯ — Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. — СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1890–1912. — 3 т.
6. СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1975–2008. — 28 вып.
7. СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века: в 21 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. — 21 вып.
8. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ, 1935–1940. — 4 т.
9. Фасмер — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986–1987. — 4 т.

Поступила в редакцию 20.04.2016 г.